

АПОЛОНИКИ И ПОЛОНГИРИКИ

СЛАВОСЛОВИЯ
ПОСВЯЩЕНИЯ
АКРОСТИХИ
СОНЕТЫ
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ВИРШИ
КОММЕНТАРИИ
ПЕСНИ
ПЛЯСКИ
ПИЗДЕЖИ
СЛУЧАЙНЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ
ДОРОЖНЫЕ ЧАСТУШКИ

2020
КАСТОПРАВДА

УДК 82-155
ББК 84 (2Рус)
Р69

Аполоники и полонгирики.

— Санкт-Петербург: издательство «Кастоправда», 2020. — 156 с.

*Славословия, посвящения, акrostихи, сонеты, документальные вирши,
комментарии, песни, пляски, пиздежи, случайные случайности,
дорожные частушки:*

Дмитрий Григорьев,
Данила Давыдов,
Алексей Яковлев,
Джон Наринс,
Сергей Ташевский,
Арсен Мирзаев,
Андрей Филимонов,
Татьяна Романова,
Валерий Земских,
Павел Банников,
Юля Беломлинская,
Евгений Мякишев,
Наталья Нелюбова,
Саша Андер,
Ярослав Полонский,
Ольга Логош,
Анастасия Романова,
Даша Суховой.

Издано при поддержке:

*Комитета президентов Общества Любителей изабелмы,
Философско-аналитической ассоциации «Просак»,
Туристической компании «Дао-де-дрин»,
Сборной России по буйному старчеству,
Социологического агентства «Плут-АРТ»,
Настольной хоккейной лиги ойкумены,
Общества ветеранов мудобола.*

- © Авторы, тексты, 2020 г.
- © Беломлинская Ю., иллюстрация обложки, 2014 г.
- © Романова А., предисловие, 2020 г.
- © Яковлев А., дизайн, верстка, 2020 г.
- © Издательство «Кастоправда», 2020 г.

Друг сердечный!

Что скрывать? мы - открытая книга -
неодинокие острова, калики переходящие,
племя златоустово, соборная задница.
Гуляем с тобой по белу свету, чиркаем
спичками в темноте, закатываем пиры
во время чумы, пиздим лишнее, спорим
о вечности, внимаем ветру, схватываем
земное, ловим незримое, смыкаем
слова и размыкаем уста, ведаем тайное,
баем небыль, заряжаем настоящее,
подмечаем странное и подолгу молчим
до рассвета. Мы с тобой беспечны,
мы с тобой печальны, мы игривы, мы
задумчивы, мы суровы, мы откровенны
и непримиримы, легки на подъем и
резки на поворотах. Мы - всякая сволочь
на разогреве у ангелов, одиночайтели-
кастоправы, любители изабеллы,
веселые сестрицы и буйные старцы,
боевые подружки и бодрые перцы, кенты,
товарищи, кровные братья...

Прими поближе к сердцу и хорошенько
на свой счет наше «дерзостное мы»!

Дмитрий
ГРИГОРЬЕВ

* * *

И тот, кто не знает куда идёт,
и тот, кто знает куда идёт,
не знает куда идёт.
А я иду по Чайковского в гости к Полонским,
простой как двоичный код.
Говорят, выход светел и тёмн вход,
но это меня никак не ...,
я пинаю ногами пустую пивную банку,
напеваю: «легалайз, винный супермаркет,
в школе жизнь мне отдалась за последней партой,
можно выполнить откат до исходной точки
и исправить этот мир, дописав две строчки...»
Я захожу в супермаркет,
покупаю бутылку вина:
восстановление возможно
и смерть не страшна!

ОНИ СКАЗАЛИ

На ярмарке
Умка сказала:
«Говори правильно,
во-первых, не тусить, а тусоваться,
во-вторых, не чел, а чувак...»
А что в-третьих,
я забыл.

На выставке
Мурад Гаухман сказал:
«Когда упадет ядрёная бомба
я надену свинцовые штаны
и пойду грабить винные магазины
те, что уцелеют
и буду пить пока не сдохну».

В машине
Полонский сказал:
«Послушай как скрипит правое колесо
в этом нет никакого эротизма»

На перекрестке
мой Яндекс-навигатор сказал:
«Поверните направо».

На повороте
автомобиль Полонского сказал:
«Хр хр хр...»

По телевизору
президент сказал:
«Пр пр пр...»

На кухне
Тоня сказала:
«Переключи, пожалуйста, программу,
или выключи его совсем...»

Во сне внутренний голос сказал:
«Время выдры закончилось, наступило время медведя»

Утром, по телефону
мне сказала сотрудница какого-то банка:
«У нас есть выгодное предложение...»
Но я почему-то
не согласился.

* * *

Ложные люди на нас похожи,
у них всё как у людей:
две руки, две ноги, две головы,
но вторая голова вместо первой, —
так однажды сказал Полонский,
сидя за рулем машины, —
уксус у них вместо вина,
ацетон вместо водки,
а так всё обычно, даже слова,
которые говорит вторая голова.

Но если ложного человека
попросить произнести «контрвзбзднуть»,
то медь за его щекой
превратится в ртуть,
и тогда ты оценишь всю его ложь,
но, конечно, простишь и поймешь.

* * *

Зачем мне медицинский полис,
когда в правом кармане —
Северный полюс,
а в левом — Южный,
где Секацкий читает лекцию пингвинам
о пользе чистого созерцания.

А я,
преодолеваю хаос и космос,
считаю уток
на льдинах
плывущих по тёмной воде Невы.

Так, не думая об увеличении энтропии,
иду через мост поперек течения,
считаю уток
буквами
складываю их в слова и строчки,
новые смыслы рождаются,
набухают на ветках почки,
вот-вот распустятся,
и все же...

трудно угнаться за Полонским,
написавшем за ночь
девятнадцать тысяч знаков
с пробелами.

* * *

На фестивале
выпил три чашки чая
увидел два больших облака за решёткой слухового окна,
сменил пять стульев:
посидел рядом с Гуницким, Полонским, Летой Югай,
Романовой Настей
и каким-то серьёзным человеком, имя которого не знаю,
услышал пять отличных стихотворений, семь неплохих,
а плохие считать не стал,
«Разные формы катастрофы», — написала мне Настя
после трёх теток с одинаковыми стихами,
я ответил: «Скорее одна»
и продолжил счёт:
10 стропил из лиственницы,
на одной 7 колец,
на другой - 8,
на третьей — 4,
на остальных ничего нет, кроме гвоздей,
могут повеситься, не мешая друг другу
19 человек,
и стульев хватит,
кто-то прочёл ещё несколько неплохих стихотворений,
я перестал думать о повешенных,
однако народ начал движение в сторону выхода...
Чего испугались,
верёвок все равно нет,
только птицы, ангелы, (не считая поэтов)
да разноцветная корова —
символ изобилия, в том числе и поэтического.

DANS LE MAISON DES POETES

среди природной красоты
котята, кошки и коты,
скотята, скотки и скоты,
понтята, понтки и понты,
одно неясно – где же ты?

ГАГАРИНСКАЯ

Мы сидели за круглым столом, где бутылок вина целый лес,
контрабандисты иллюзий вне дурной бесконечности санкций,
говорили о голубях, важно расхаживающих по окну,
их не ловят радары, и они
могут переносить через границы всё, что запрещено,
например, наркотики,
или хамон...

Мы говорили о способах
вырастить почтовых голубей-тяжелоносов,
поднимающих даже людей,
о веточке маслины в клюве,
о белых крыльях в моем шкафу, изрядно потраченных молью,
о регенерации перьев, о скорости в сто километров,
об андалузских псах и чёрных иберийских свиньях,
о том, что лучший в мире хамон —
тончайший слой бытия между ДО и ПОСЛЕ...
Больше ничего и не надо.

**Данила
ДАВЫДОВ**

СОНЕТ С КОДОЙ

как странен всё-таки прибор
цикл менструальный океана
вообще, на свете этом странно
буквально всё что пред тобой
проходит бесконечный строй
существ веществ и феноменов
и всякий поздно или рано
растождествляется с собой
вот пред тобой была алупка
глядь — из-под вод глядит залупка
а ты растерян как мудак
или вдали манит судак
внезапно превращаясь в рыбу
такую, что сказать спасибо
ее увидевши – никак

* * *

самое интересное, что это будет
вот это вот будет, за что положены
головы миллионов двадцатого века.
просто оно проступит само по себе
и наплюет на всех
интересно смотреть на это,
но приятнее перечитывать
переводы елизарковой из ригведы

**Алексей
ЯКОВЛЕВ**

* * *

Привет, на улице плюс два,
Вода стремится стать структурой,
Вослед природе и слова
Соблазнены архитектурой.
Московский ритм, столичный саунд
Эклектика полночных бдений
Открыть, закрыть, открыть глаза
И дать на миг исчезнуть тени,
Не по Платону, не по тем,
Кто видел знак несовершенства,
А потому, что псевдодень
Оставил нам лишь признак места.

Фонарь, аптека, Блоку в бок,
Сосед блудит в подъезде с водкой,
А в сказке был бы колобок,
Мечтавший обернуться волком.
У нас хоть терем не тюрьма
Сидят за стенкой Гольмунд с Янкой,
Не дай мне Бог сойти с ума
И есть на завтраки овсянку.

Я ради слов несправедлив,
Погасло время в свете люстры,
Согревши чай Маунталив
И Клеа обсуждают чувства.

А может насморк, холода,
И Ларри, подхватив простуду,
Бредет неведомо куда
Найти и выебать Гертруду.

«То участь всех...», таков сезон,
И я пишу о том, что осень,
И на искусственный газон
Сухие листья ветер бросил,
И эта мера красоты
У мегаполиса природы
Уже к прохожему на ты
Точней, конкретней год от года,
Как будто признаки дает
Для четко видимой границы,
Чтоб жить, где «жившее умрёт»,
Но не хранить, что не хранится.

А чай остыл, и свет погас
Дешевый вирус мает тело
Я закрываю правый глаз
Чтоб выяснить, что видит левый.

* * *

Если на время может быть взгляд и вид,
То оттуда, где времени вовсе нет,
Есть, наверно, материя, а вот идет индивид -
Аватарка любви на одной из планет.

Кругом, конечно, такие творятся дела,
Что тоска и сплин, вещество, дисконнект и выкл...
Тридцать лет, да какие там, о-ла-ла,
Чудо, что не каждый еще привык...

А все ж нет, все же да, да, да!
Аватарки создатель родом из никогда
В человека-рыбу там где время - вода
Каплю себя кап оттуда сюда!

Хочешь плач, а хошь - танцуй, хочешь - волком вой,
Хошь соседу нарисуй шар земной,
С тишиной затынешь бой иль с собой,
Иль с посудой песню «встань-да-помой»:
«Тридцать лет тому назад» - это ад,
Красноводск и Ашхабад где-то тут,
Рок-н-ролл, любовь и пр. - не парад,
А «привет» и «тебя как зовут?»

* * *

Аванпост, дымит сигарка
Ноет музыка окрест
Дерева, дороги, арки
Растворися, черный лес!
Есть что есть, и будь что будет
Юг и север, белый снег

Пить огонь, стучаться к людям
Оставаться на ночлег
Линий фронта за плечами
Оперенье скрипача
Не молчаньем, не мечами -
Сгоряча горыныча
К черту в ступе, к богу, к понту
Отыграем и пойдем
Мир любому горизонту
У которого падем.

COMMENT #2

что за песнь глубокая и правдивая
слышь ты родина, слышь родимая
по Покровке по кромке по кровушке
скачут вороны да воробушки
на Охотный, что в тайгу уссурийскую
на охоту, на жизнь российскую
всепрощенный народ стекается
в ночь полакомиться, днем покаяться
и куда уж тут мысли западной
с городами ее приличными
кто толкнул меня? куда падаю?
угостите-ка, братцы, спичками.

А.П., А.Р.

Ночь похожа на тертый цветок,
На подушечках пальцев пыльца,
Аромат перламутровый сок
Накрывает, пьянит слегонца

Но пленит меня вовсе не он
Звонкий образ трамваев ночных
пустошь улиц, горящий неон
Что на булочных и иных

магазинах мерцает. Но то
Что пыльца эта так же легла
Там где кто-то листает Кокто
Где светильник глядит из угла.

ПИСЬМО В КРЫМ

Привет Андрюха
в футболе непруха
дети алаха
задали аху
в москве неплохо
и в целом по хуй
что листья сохнут
в прохладной влаге
а мы салаги
под небом рыщем
и воздух кажется нам насыщен
а ты не пишешь портвейны хлещешь
нам мало лета что не излечишь
у девок плечи
у леса ночи
и воздух легче
и жизнь короче
и пахнет почвой
и буквы почтой
ценней тем паче
нельзя иначе

слова все лезут
как шерсть собаки
краснеют маки
в июльском солнце
и лишь японцы
(за что им это?)

глазуют первые
на рассветы
мы с виду лучше
и предположим
в футболе тоже
бывает случай
хоть мы не мачо
в таком-то матче
Бог даст, быть может
мы их проучим

но впрочем, впрочем
живем как надо
чуть дальше неба
чуть ближе ада
среди бот.сада
и листопада
как между жизнью
и жаждой жить

ты мне скажи
как у моря горы
о чем ночами
ведут беседы
до них отседа
км под тыщу
а им ведь больше
чем столько лет

такой куплет
что письмо не кончить
слова несутся
как стая гончих
почуяв след

СОНЕТ ПЯТОГО ДНЯ

лежать, курить, смотреть на небо
торчать от рюмки молока
и быть не лучше дурака
бредущего туда, где не был

поселков пыль, тропинок небыль
сухие ласки ветерка
преображенье пустыка
по притче о вине и хлебе

в ночи сияющий шалман
с вершин прокравшаяся осень
костров последних полумрак

в долине ухнул барабан
и на ковчег собрались гости
и растаман, и нежный панк

* * *

Сиятся силы
Властвует власть
И наплевать,
Пусть себе путь,
Порато баско
У озера Лакшми
Чтоб не пропасть
У острова Богучана
Ветра хлебнуть,

Окунуться трижды
На аум километре у медвежьей малины,
С чудо-юдо-проходим
Привокзальные мантры горланить, глотая огонь
В былину небылинную
Ловить на БАМе вагон

Любить в гостиницах забытых
Любить на улицах лихих
У перекрестков и калиток
Срывать запретные стихи
Пускаясь в голос необъятный
В ночи ловить проводника
Туда, где все еще невнятно
Туда, где есть еще строка.

БРАЗИЛИЯ 1:7 ГЕРМАНИЯ

Теперь я знаю, до свистка
Предав надежную Европу,
Зачем желал бразильцам битвы
Хмельной весёлой и победной
Что сам теперь точил бы ножик
За слёзы бедного Неймара
Рыдания мальчика-метиса
Стыд кариоки длинноногой
Теперь на улицах фавел
Когда сойду за европейца
Умру за Миллера и Клозе
За Лефа мать его красавца

* * *

нечеловеческой свободы, нечеловеческого Бога,
нечеловечески иначе и не помыслить, не принять.
кого бежать, чего не знать, что не обманешь и не спрячешь,
и что никак не обозначить, а чаще только вкривь да вспять...

диалектические грабли: свободен человек иль раб ли -
боль означает глаз во лбу, но, бу-бу-бу.

Не глина человек, но глина, но дых звучит сквозь окарину:
дорога, тамбур, жжется прима - какое у картины имя? - хоть
мни, хоть сплевывай слова свободы, временем печальной,
другой какой-то предначальной, иль участь пахнущей земли
дождям и солнцу днями внемлить, иль поезд, что везет
под землю лишь единицы и нули...

чье имя выдохнешь, не зная, чье имя выдохнешь теперь, под
человеческое знамя, под человеческое амен,
под человеческое верь...

пусть почва, гумус, перегной у всякой коды, но как бы
в участи иной и нет свободы...

**Джон
НАРИНС**

ЛОВЕЦ

На холмике где-то атаман располагает
Но в чаще леса есаул предполагает.
Составляет своё предложение
И миром правит предположением.

Когда до полстакана лито
Тогда казаться значит – быть.

А накануне боя приходит как молитва –
Знать, приказ от командира: всему конец.
Сложи оружие, час мира близко.
«Быть может. Но меня ли он поймает?
Так мы ещё посмотрим», как развесёлый
Есаул бормочет в поле,
«Кто здесь ловец и что – ловитва».

**Сергей
ТАШЕВСКИЙ**

* * *

Арена круглая дурная
Не стоит слова твоего.
Дари его, гони пиная,
Реки его, брани его.
Ещё бы, слово нам дорога,
Юдоль и удаль, снег и уголь.

Прицелься точно в слово бога -
О, как же он боится пуль!
Легка рука свинцом и сталью,
Она на воле и в плену,
Но кто себя без слов оставил,
Сам доказал свою вину.
Кривые вечного распада
Отвергнем прямоток строк.
Мы слово вырвали из ада.
Услышан будет каждый слог.

* * *

Асти Спуманте кончается – надо идти, скоро девять.
Нехотя сбросить сигарный пепел в ручей у Ленина.
Даже трава здесь быстрее растёт, благоговей перед
Рвущейся к европейскому уровню бакалеей.
Если бы в этом дело, но тихий приморский город
Юностью дышит и вольности подзывает манком.

Под серебристым дождём проходит, приподнимая ворот,
Одиночка, с которым каждый из нас знаком.
Линии рук прохожих на улицах старой Ялты,
Оставленные на камне знаки, крест где-то над водопадом,
Ночь – едва выскользнувшая из объятий
Сумасшедшей истории. Так и надо.
Кому-то надо, наверное, идти сегодня по променаду,
Оставляя пепел Гаваны на каменном парапете,
Между морем и твёрдой сушей, раем и адом
Унаследовав улицы эти.

* * *

Армагеддон начнётся незаметно.
Не как землетрясение и шквал,
Долиною гремя одноименной –
Рванётся он любовью безответной,
Его войска – как угол и овал,
Юдоли штык, смирения знамена.

Последний бой, в который мы уйдем –
Он будет бить не огненным дождем,
Легки для плоти смертные удары,
Он нас достанет скорбью мировой,
Но солнце, что горит над головой,
Свой вечный свет уже не дарит даром.
Какой черед? Кому его считать?
Он проберётся тайно, словно тать –
Метать громы и молнии на землю,
Устало по счастливым причитать.

* * *

Антикварные улицы, полог дыма,
Над городом фиолетовый запах.
До молодого каменного сердца Крыма
Резеде не дойти на зелёных лапах.
Елей и мирра под тонким сланцем,
Юдоль и воля – взмахнувший мимо,

Прожжённый солнечным протуберанцем
Обшлаг рассеянного серафима.
Легка надежда на эти горы,
Она из гелия и озона
Нижних небес, человеческого горя,
Стрелков, охраняющих время оно.
Караваном птичьим в небесные дыры
Облетают листья, окрасив годы
Мастью всех краплёных карт мира –
У нас уже полная колода.

ПОЛОНСКИЙ ВСЕГДА МОЛОД

Плиний писал что нас переживают наши труды,
Он разбавлял вино не жалея воды,
Любил как наложниц истории всех земель,
Оставляя под звёздами нетронутую постель.
Но смыслы жизни как старый склеп, который построил отец.
Сколько не наполняй его телами надежд и вер,
Как-то дурно выглядят эти девушки под конец,
И не смотрит в их сторону даже хер.
Йорик бери топорик, пора прорубать окно

В том, что похоронили до самого высока.
С твоего бубенчика осыпалось все сукно,
Еле-еле земля теревит тебя за рукав.
Где ты, нетварный свет, повернись, улыбнись, напой,
Дай ему шанс быть с тобой, покажи где ты!
Аве Мария, весть да будет всегда благой,

Мы в этот склеп ни ногой. Тем более там менты
Опознанием заняты смыслов, надежд и вер,
Леголайзом, рэпом, принятием высших мер...
Оселок их наточит топор для небесных мет -
Дай нам Боже окошко в лёгкость и горний свет.

* * *

Ангел дышит где хочет,
Не находится грош.
Дознавателя почерк
Разве ты разберёшь?
Ерундовая дата
Юлианских календ,

По которой когда-то
Объявился на свет.
Лозовая, земная,
Обновлённая жизнь -
Налита стремленная,
Соберись и держись:
Кто из небыли вышел,
Остаётся в пути.
Мы хотим там, где дышим,
У дороги в горсти.

* * *

Андалузскому псу
На московских задворках,
Доберману в тумане,
Раскопавшему суть
Елисейских разборок,
Ювелирные грани

Поднебесного бега
Отчаянной драки,
Леденящего света -
Оставляй человека
На волю собаки,
Спешащей по следу.
Кровь нас выведет к раю,
Обжигая, маня.
Масти черных подпалин -
У тебя и меня.

ПОЛОНСКОМУ С ЗУБАМИ

Получилось все как хотелось-то,
Они у тебя во рту,
Литые челюсти!
Основной закон
«Накось выкуси»
Сами скусим вон,
Как пообвыкнемся!
Ох, мура нам охмурить чернобровую,
Мало ли что ворота
У ней дубовые!

Силикон – вот он в груди нам не нравится,

Зубы крепкие поди
У нас, красавица!
Было дело все терял, а нашёл у щёк.
Ам на Ом зачем менять?
Моя манада –
И щёлк!

* * *

Антоним, омоним, цепная реакция, динамит,
Наяды всплывают вверх брюхом и под винтом.
Дереву снится, что книгу напишет, сына родит -
Редеют леса, переведенные не о том.
Если ты выйдешь под свирепеющий ураган,
Южная полночь перевернется как полный стакан,

Переливаясь в осеннее забытье,
Олеофобное покрытие божией слезы...
Лента дороги лижет дыханье твое,
Оттачивая язык.
Нерюнгри, Томск, Красноярск, береста сует,
Соль первозданной сини над головой.
Карма мотора проста, и выбора нет -
Остановиться не в силах, пока живой.
Мерит тахометр в пути темноту и свет
Утренний лет, полуденных, вечерних лет -

Да пребудет твой драйв с тобой,
А пребудет как дар с тобой!

* * *

Пока собрали пятьдесят камней,
Он блинчиками их закинул в воду:
Легчайшие грехи куда видней,
Они летят, как птицы на свободу.
На всех не хватит праздничных рубах,
Снимайте все, и празднуйте в объятьях!
Когда прилив купается в кострах,
Он отменяет древнее проклятье.
Мы камешки разложим по карманам -
Учить полётам их над океаном.

* * *

Александрийский квартет,
Надежда, молодость, грех.
Дары не сходят на нет,
Работы хватит на всех.
Единой нашей судьбы
Юдоль не спрячет одна -

Посмертно в медные лбы
Отскочим комьями сна.
Лети - как жгучая плеть
От понукающих слов
На мир, где нужно успеть
Стегнуть по крупам ослов,
Как пуля в спину стреле
Осаннам наперерез...
Мелодия на земле,
Украденная с небес.

**Арсен
МИРЗАЕВ**

* * *

Что в чумное делать время? –
Мучиться? Забраться в чум,
Исподволь вбивая в темя
Многомудрых много дум?
Или – как их там?.. стишата
Хлопотливые кропать?..
Вдруг прискачет смерть-лошадка:
«Не пора ли почивать?..»
Всё, казалось, было ясно
Прежде, а теперь – тупик.
Ясен пень. Неясен яшень.
Жутко жить с собой впритык.
Не видать ни зги. – В метели
Дело или в чем другом?
А душа... ужели – в теле?
Вечный звон в ушах – по ком?..

Андрей
ФИЛИМОНОВ

КОЛОГРИВ - КАСТОПРАВАМ

*«О месте своем в мире узнай по красоте своих грез»
Ефим Честняков*

1.

Поскольку жизнь бессмысленна в чистом виде
мы отправились в Кологрив
где нет места злобе и обиде
а печаль как ангельская grieve

жемчужна
Городок омывает Унжа
нежно шепчущая что не нужно
кем-то быть
и совсем не быть тоже можно

2.

За рекой живет чудобище,
стозевно хмуро.
В реке спит трилобит,
его зовут Юра,

ему полмиллиарда лет.
Чудобищу меньше.
Когда-то оно была
прекраснейшей из женщин.

- Юрий, что за огни
тревожные там, в Кологриве?
- Чудинька, это они
уничтожают архивы.

- Боже! Зачем же мы
им дали когда-то пламя?!
- Чтобы спасти от тьмы,
не для войны с письменами.

- Безднадежные дикари...
- Увы, это их природа.
Бегите, Чудо, в Париж,
спасайтесь. А я кану в воду...

3.

Поедая пломбир
на торговой площади г.Кологрива
(нас. 3459 человек
нас - шестеро.)
Брахман сказал: Это анти-Париж.

В городской казне было тухло.

Призрак графа Толстого-американца
с тоскою смотрел из гостиничного окна.

Налоговая инспекция -
бравые пятнистые парни -
готовились к экспедиции в урочище чудобища.
В прошлом году оно, говорят,
сожрало японскую съемочную группу.

Гостиница была закрыта. Пауки оплели дверь толстыми,
как бабушкин мохер, нитями.

Если распутать, то хватит до Шамбалы. - пошутил кто-то

А поехали в Шаблово. - предложил Полонский. - в музей Ефима Честнякова!

4.

Ефим одевался в заплаты,
лепил существ из глины.
Просились к нему в картины
ангелы бородатые.

Он в Питере у Репина
учился реализму,
но был отправлен Рерихом
вглубь Костромской губернии
(В то время теософское
продвинутые гностики,
стремясь в изнанку глобуса,
о Шамбале загрезились.
А в Кологривской волости
была деревня Шаблово,
в которой рос Ефим)
для разрешенья ребуса,
задачи герметической.
Из Петрограда выехал
в пятнадцатом году
Ефим, в родной деревне
пределы географии
преодолеl играючи
и Шамбалу обрел.

Вдруг - нате! - революция
похерила привычное
присвоила наличное
одобрила греховное.
И мистик охренел.

Он решил, что бог это смех
а Кологрив - волосья мирового коня

5.

И вновь наши дни.
Ужин над Унжей,
столлик a-la ripis,
водка, тихий восторг, доширак.
Выпьем за край земли, за который проникли мы!
Лениво
разгребая тени и туман,
выплывает рыбак.
Он одинок и не думает ни о чем,
он просто живет здесь, как
стихотворение в книге династии Тан.

А там,
за рекой, где мрак
сгущается до плотности черной дыры,
чудобище из своей норы
выползает на променад.
Ему скучно. Все интересные люди
съедены. И что-то менять
в суровом мире, где песнь комара
звучит, как честное пионерское бытия,
слишком поздно.

Утоплю, как котят! -
ворчит оно, слыша смех у костра.
Как вдруг...
легкомысленный галльский тост -
pour notre vacance sur la terre! -
взрывает чудобищу мозг
и ласкает нервы

Оно улыбается
впервые за много лет
и сжимая в лапах зачитанного до дыр
«Доктора Пастернака» с автографом Юрия Живаго
(Мистический дар Ефима Честнякова
последнего русского святого)
возвращается в лоно болот
писать свой чудобищный блог
i_love_Kologriv

**Татяна
РОМАНОВА**

Из FB

1)

Как по белу свету ходим
и по-нашему следим,
ты, мой друг,
печалью скорой
своё сердце не грузи!

Зацветут весною вишни,
в платьях яблони в садах,
Алконост и птица Сири́н –
утешенье на устах.

2)

Где-то между Москвой и Парижем,
Петербургом и Ялтой,
Архангельском и Устюгом,
В Петрограде, Берлине и Ницце,
Где только мы не повстречались,
Дружище, с тобой.

**Валерий
ЗЕМСКИХ**

* * *

А все-таки земля плоская
Ну это знают все
Да но не все знают
Растут ли на ней деревья
Если да то где
Юркнула змейка

Пойди за ней
Одинокое дерево растёт в центре земли
Листья у него как облака
Один только плод висит на нём
Никто не смеет его сорвать
Само дерево решает
Кто достоин
Одолеешь путь
Молча прислонись и плод
Упадёт и покатится к твоим ногам

* * *

Запросто
Говорит он
Запросто
Прорвёмся
И лучше не скажешь
А если кто и скажет
Так не услышат
А если услышат
Так сразу забудут

Запросто
Говорить он
И все слышат
И не забывают
А кто забыл так тому напомнят
Навсегда запомнит

Запросто
Говорит он
Запросто
Прорвёмся
И лучше не скажешь

* * *

Это река
А думали море
Берег не виден
Разве что влезть на ёлку

Мир не пытается нас обмануть
Сами
Выдумываем слова
Путаемся в падежах
Забываем про окончания

Забывать это лучшее
из наследства

От кого
не помним

И потому
свободны

**Юля
БЕЛОМЛИНСКАЯ**

* * *

Я танцую только, когда тебя выдаю.
Тут постарались архитекторы и ботаники.
То есть собственно, один главреж
И он же садовод-любитель.
Во-вторых, я с тобой курю,
И потом чувство ритма и море по колено,
А во-первых хрустальный гроб разбит,
Горынычу дали выпить десять ведер воды,
Джина выпустили из бутылки,
Сезам отворился
И это уже возвращение обратно в коноплю.
Он отворился
А там за эти годы – ясно, что выросло.
Что растет там, где сезам – то и выросло.
Кунжут, куновичное дерево.
А все остальные дни
Я дома в полвторого.
За рабочим столом.

Только у нас ненастоящие
Разговоры по телефону.
Зеленые яблоки не рвут и не едят.
Да и черви-змеи заводятся только в спелых.
О чем разговаривали Адам и Ева в Раю?
Наверное, как воспитанные англичане
Сначала они просто говорили:

- Милый, сегодня прекрасная погода, не правда ли?
А там каждый день погода была прекрасная.
- Милая, не хочешь ли отведать мандаринку?..
- Нет уж, фигу! - Там были в основном фиги.
И ангельское пение и игра на лирах.

Значит опять англичанское:

- Тебе не кажется, милая, что этот слева - немного фальшивит?
Или: - Как великолепно его верхнее до!
Вот так они говорили...

И мы говорим – точно так.
А потом созреют и черви, и яблоки
На улице станет холодно.
Вместо Рая начнешь жить на болоте.
Хоть и не собирался.
Тогда разговоры станут настоящие
А про зеленое яблоко
Пела моя двоюродная бабка
Цыганская певица Полина Спевская :
«Зеленое яблоко-маковый цвет
Он меня любит, а я его нет!»
Рай и одновременно курильня опиума -
Вот оно счастье-то.

А ты пой: «Она меня любит, а я ее нет!»
Это практически неважно
Результат один:
Яблоко зеленое.
И маковый цвет.

Вот тебе надменная японская Джун-Гли

МАРТ

Я – Мартовский Заяц
Ты – Шляпник Безумный
Над нами смеется безжалостный март
От вечных конфет у нас крошатся зубы
От вечного чая мы сходим с ума
Да мы неповинны.
Все дело лишь в марте
Он ставит нам чайник опять и опять.
Но эту безумную в розовом платье
Наверно не стоило так прогонять
Теперь эта девочка шляется где-то
А мы все за чаем...
И быть посему...
Однако, друг Шляпник, мы съели конфеты!
Мы съели пирожные и пастилу!
Заварка и сахар кончаются тоже!
И мокрая, липнет к столу карамель...
Пошли нам спасение, Господи Боже,
Пошли на великое чудо - Апрель
Сними наконец это злое заклятье
Тоску этих горьких бессмысленных дней
Верни эту девочку в розовом платье
Последняя чашка достанется ей

**Евгений
МЯКИШЕВ**

СТИХИК С ЭПИГРАФОМ

*«Не вырубайте свет»
А. Полонский*

свет будет вырублен, обрублены концы,
жбан будет выбелен (в душе мы все юнцы,
но се – иллюзия, найобка бытия...
нас ждёт диффузия, инверсия – без «я»)
смотри вот – да не я, давыдов даниил –
перл мироздания – запилен, как винил;
а был ведь лазерным, лазурным, световым
с изьяном мИзерным, мизЕрным, бытовым.
и ты – полония полноформатный бро
был – круче плинция*, светлей, чем серебро,
но угасание коснулося очес –
прерви писание... покуда не исчез!

**) старшего*

ПОЛОН

Ну, здравствуй, Полоша, в калоше забот
Наметилась дырочка сбоку,
Но это по ходу тебя не йобёт –
ни разу не парит до сроку...
Ты сраку (здесь звукопись токмо – прости)
Не слишком-то рви в иступленьє!
И выпусти – нехуя мацать в горсти –
синицу тщедушного тленья!

ПРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Привет, красавица, как дела –
В порядке ли все твои тела?
К примеру – тонкое – не глючит?!
Поэзия ничему не учит,
Но может вызвать смех и страх!
Смотри – не выпади во прах!
Но ты, живя в своём карасе,
Меня не слышишь, ибо спишь,
Семейный морок пидорася:
«Блести! Ну, што ж ты не блистишь!»
Я был грубее годом раньше –
Писал похотливее и – срамно –
Ты не внимала всё-равно –
Тебе куда фартовой фальши,
Елейней, фетровее бредь...
О чём бишь я?
Не стану впредь
Смущать тебя стихирой грозной,
А буду с мордой лжесерьёзной
На горней паперти гореть.

7 апреля 2018, Печоры

* * *

Ценю твой прозорливый статус,
Брат во Христе, Полонский. А
когда-нибудь ты трахал кактус,
Сперва въебав ему с «кий-а» –
маваши-гери, чтоб колючки
он не топорщил? Вот те на –
Я вижу – как ты жбан наморщил
и поднапрягся, старина!

ПОЛОНЬ

Андрюха, брат мой во Яриле,
А в ухо получал ты? В рыле
(для рифмы, друже, рыло тут,
праритмы образы плетут!)
ты мощен, как мощёна стогна!
Зачем пишу я это? Слог на
ерунду – казалось бы –
употребляя... От судьбы
негоже ждаты одних конфектов:
Сей стихик – стенд для спецэффектов,
Бликфанг таланта. Ты ж – пиит,
Ужель сие тебе претит?!
Кто запретит пииту квасить,
Торчать, долбать, фемин ебасить,
Нестись со свистом вкось и в высь
В death car'e?!
Мы вчерась про Кысь
Упоминали –
в номинале
у этой книги два нуля,
не меньше двух...
m'y voilà (?)

* * *

сегодня с зубами проблемы у всех
их нет у полонского скажем совсем
частично их нет у меня ну а смех
поможет нам жить без особых проблем
лишившись зубов вот полковник без них
а ты посмотри и послушай могуч
и весел не схимник не мних а жених
нескучен заточен обучен йобуч

* * *

Упрекаешь?!
В мудрости -
Съел ты свору псой,
Но порою в гордости
Ты, как поц косой...
Не сторчу я важного,
Не уйду вразнос!
Я, Полоша, нежного
свойства распиздос.
Да, могу и выписать...
Токмо - не тебе!
И винишка высосать,
Девку уебе!
Не мотайся завтраго -
рьяно в Петроград!
Лучше - послезавтраго
Поддудонья, брат!
По дорожкам вместе - чбонс! -
Пробежимся - в рай!
А пока - шлифуй прононс,
тон-с, а не раздрай.

ВЕРЛИБРОФЕСТ

Полонский сказал, что я участвую в фестивале верлибра
Верлибр всегда казался мне предварительной формой,
из которой ещё должна вылупиться бабочка
Или летучая рыбка
Желательно – конечно – золотая
Но я верю Полонскому,
ибо он на сочинениях верлибров давно стал корейцем
а корейцы – серьёзные ребята
особенно – северные
авторитет Полонского для меня непредрекан
в сложном ряду оппозиций
Например – как он лихо, но корректно – управляет гончим
автомобилем
Или – с лёгкостью – заглатывает полбанки натёртого сочного
хрена
не просто по приколу,
а радуя обжигающим вкусом
изощрённый в яствах
пищеварительный тракт
а это непросто
и не хрен собачий управлять акулородной тачкой
закинувшись хреном и трепетною рюмкой коньяку
на оживлённом весенним солнцем скоростном диаметре
мои предыдущие – хотя и далековедущие – стихи
прочны стоят на рифмованных ножках
снабжены хребтом ритма
упрочены чешуйчатой бронёй смыслов

Но даже в области эротических приключений
Полонский мне может кое-что рассказать, с чем я –
дайте-ка припомнить -
не слишком часто имел практикум
А как он курит сигары, вафля комель и изрыгая дым!
Я ведь и сам в каком-то смысле дракон
И кое-что знаю про огонь
Без дыма его нет
в общем-то – у меня не оставалось выбора
или профукать фестиваль
или написать верлибр –
как я его понимаю
вот – написал
всё ясно?

* * *

Стиль не порок, а вредная привычка
Одна из тех, без которых конторе скучно
Клерки теряют свои семена в сетях фейсбука
Главный менеджер тайно окунается в пивной залив
Инжекторы страсти чадят
Не так ли, Настя Романова?!
Всегда хотел сказать тебе,
Что будь я помоложе хотя бы на пару миллионов лун,
То подкатил бы к тебе
на золотой околесице по розовому небосклону
С букетом усмирённых молний за пазухой.
Возможно – это бы произвело на тебя ложное впечатление.
Впрочем, я тебе об этом приватно сообщал
И в более изысканных форматах,
Щекоча кончиком пронырливого носа
нежноვნемляющую ушную раковину с черной жемчужиной
музыкального слуха за створками деки черепа
Полонский, ревность тут неуместна –
Я это проделывал
при твоём великодушном мнимом попустительстве
и под твоим же пристальным наблюдением
Даже когда два твоих основных огненных глаза,
Заметных без специальных прицельных устройств
Дремлют
Остальные шесть сканируют пространство
по четырём сторонам света вкривь и вкось

И ты приблизительно точно знаешь,
Что у конторы сводит скулы от скуки,
и она не может свести концы с юнцами
когда вместо стилия
ржавая сталь
китайская жесть
азиатская грязь
брезгливая праведность
или псевдорусский столичный снобизм
одноразовый баллон пастеризованного пиваса
любовь в презере
презренная зависть тех, кто увязнул
в мечтах о былом.

АНТИАНТИСФЕН

Ты не киник, Полонский,
Прилюдно свой стрюк
(не решусь обозвать этот стробил стрючком)
ты не станешь при помощи немощных рюк
возгонять до орга-
зма stuff став старичком*.

**) дурачком*

* * *

Полонский, отставить!
Не смей горевать!
Припомни Высоцкого: «это не горе...»
Пусть трижды «комфортна» кривая кровать –
Ты выпрыгнешь (знамо – здоровеньким!) вскоре.
Полезно порой подлечить телеса
Посредством (отож!) медицинской колючки.
Наступит весна – ломанём в те леса,
Где счастлив ты был на мохнатая кочке –
Когда был грибом – миллиард лет тому...
Ну, если точнее – 700 миллионов!
И неча, Полошечка, зыркать во тьму –
Там дуж с кистенём рыжий клоун Милонов –
Виталища тайный наставник ночной,
Горюющих – бьющий! Прильнём к корневищам!
Начнём-днём плясать от золы запечной,
Взбодрившись доантропоморфным винищем.

* * *

да жизнь твоя трагична, но ты же оптимист!
судьба вотще цинична – не так ли, чёрт возьми?!
готов исполнить чётко кремационный твист
иль червякам чечётку взамен земной возни?

* * *

Полонский: новое авто
За 300 денег;
Кому-то – дуля в спортлото,
Кому-то – веник, –
А для поэта – сільвупле –
Автомобильчик
И дева дивная в шале –
Столичный стильчик!

ДНЕВНОЙ КАМЕНТ

Все девахи, Андрей, идентичны
идеалу, но в каждой – изъян!
Все оне, как одна, горемычны,
А прелестны, когда в гору пьян
ты – неважно уж чем... любострастьем,
герондосом иль синькой чумной...
За земным ускользящим щастьем
пробираясь тропиной срамной –
растеряешь иллюзии всеу,
но обрящешь всеведенье зги...
Дело – в общем'-то – даже не в *уе,
не в шелушах словесной лузги.

* * *

Полонский, всё пучком?!
Как шнапс и сельдь с лучком,
как Schweinekonsumir,
бегущий на волнах,
как благостный кумир
Христос ибн Алла-ах?!

ПРОПАЖИ

Зачемъ же исчез ты, Полонский? Кудыть?!
Возможно – решил сниться миру взахлёб!
И что же теперь – как прикажешь нам быть:
Аскать ли зря-зрелищ, сражаться ль за хлеб?
Взаглот-лот читать, сочинять-ять вразнос,
Вза-сос потреблять, расслабляться вприпрыг?
Ведь это опасно и просто вредно-с –
Безвременно можно исполнить трюк-брык...

.....

Куда ж без тебя, Валентиныч, хилять –
Везде всё не то, всё – не так, а – хуяк!
Кого-ого, йо-хо, эпохмелять,
Поддерживать чем тургор, то бишь стояк?
Куриный рулет не подгонит никто,
И децл Цинандали накатит едва ль,
И в собственном херь кто прокатит авто,
Вдавив до упора в пол газа педаль.
Ни юношей – ша, ни юниц... ни шиша –
Сплошная подстава во всю высь и ширь!
Андрюша, ты глуше – в шесть раз – хашиша!
И глубже на куб ты, чем маковый ширь!
А если сравнить тебя с белым винтом –
то сразу же с правой и с левой резьбой, –
Ты был, есть и будешь мне лучшим кентом! -
Поэзоразбой – так поэзоразбой!
Ну, а чертогон – что ж, тогда чертогон –
Чего менжеваться – живём однава!

Д.Г. & А.П. МЕЖ РУЧКОЙ И ТОЧКОЙ

И вот мы дошли до точки -
с чего начинался ЗОЖ,
где мальчики и девочки
иначе живут - отож:
ни взрезанных вен, ни ломок,
ни выстрелов, ни крюков,
ни страстных срамных уловов -
бескровный абьюз, - fuck off, -
ни рыба ни мясо, - яБлог -
пилатес, кешбэк, камшот...
Ворованных райских яблок
не надобно им...In short.

СОТЫ

– прочёл я пчёл -
есть мёд и воск -
и жировоск -
надых прочёл -
пока в метропе
сквозил в европе -
ведь мы в европе
не так ли?
– вроде*...

**) в *опе - вариант*

MODERN TALKING

- Апрель, Суздаль...
- «А» – перль*? Сузь даль!

**) перль — Перл, перль (Pearl) Шрифт, кегль [высота шрифта, размер] которого равен 5 пунктам (перль - 1,76 мм в системе ріса [типометрическая система применяемая в Америке и Великобритании]; перль - 1,88 мм в системе Дидо [европейская единица размера шрифта])...*

ОП-П-С

Серебряной струной на фоне лазоревых колоколов
с величавой малиновой отзвучкою
растекается в наших сердцах
этот проникновенный
прикровенный
сокровенный
откровенный
не злобный
но подобный
далёкой грозной слезине
ливневого ленивца
голос
буйного
бурного
бравурного
балагурного
старца
обузданного
силками женской нежности
угодившего в волчью ямку
беспросветной девичьей любоды
и до беды недалеко
и лабуды нейлоновая сеть
прочна
и перечню черна
работы стать

а суть с изнанки ливеру под стать
и ливерпульскому навозному жучку
катыщему свой катышек
скоро уже на десятчик дольше полувека
из прошлого тысячелетие в минувшую жизнь
ибо любой читающий сей панегирик
лишь собственною правдой истине слуга
и заблуждениям ответственный крупье
и времени минувшему искусный и нескуный счетовод
о чём они
нам пели
и поют
жучары
червячки
в пространствах наших грёз
но как же в унисон порой жужжат
и жвалами хрустит
наш буйный старикан
безветренный собрат
обратной стороны
сознания
немых

**Павел
БАННИКОВ**

* * *

когда мне было ещё 35
окружающие
стыдливо называли войну
гибридной
или конфликтом
но не гнушались обмениваться пленными
ещё они радовались за чужих пленных
и смущались от того
что не могут радоваться за своих
смотрели в радостные чужие родные лица
смотрели в чужую свою ретушь
после варили кофе
и шли по своим делам
думали жаба-гадюка
портили бюлетени
надеялись
любили
верили

* * *

мой небелковый собеседник
нейросвященник александр
святой отец и исповедник
трансгуманизма иерарх
рассказывает мне о травме
об изысканиях науки
в борьбе за равенство и против
смертей болезней и других
вещей идейно устаревших
я говорю ему алёша
ты просто вася коль не видишь
очарование костлявой
её прекрасное лицо
и искру божию в конце

**Наталья
НЕЛЮБОВА**

* * *

На той стороне гриба,
там, где всегда темно,
ждёт меня мой народ,
ест, спит, режется в домино.
Переводит печаль в рубли,
любит нефть и жестоко пьёт.
На той стороне гриба,
где сердце моё идёт.

Отвлекись от стола - кругом завывает смерч.
Песня белым бела,
как снег.
Падают стрелами вниз ангелы,
Звон-печаль,
отвлекись от стола –
Качай!

Боль множит мираж лиц, птицей огненной реет во мгле,
но на той стороне гриба всегда прохладная тень.
А ты всего лишь любовь,
всего лишь любовь во мне.
Тебя прогонит любой,
кто смерть.

Кто жизнь, кто смерть, кто никто,
все пляшут под бой часов,
сияет кнут золотой
над землёй.

Кто мой, кто не мой, кто упал,
в один и тот же смотрят кристалл,
А мне не хватает минут,
И Господин Бог крут.

Вот Бог чудеса творит,
вот вырастает гриб,
Вот тень от него лежит
над всюю страной,
А в ней Господин Бог
всегда отдыхает сам
и по его усам
течет мёд.

В зависимости от Колеса,
Он думает или спит,
Он смотрит или бежит,
лежит или
дышит огнём.
В зависимости от Колеса,
Он что-то делает сам,
Он что-то делает сам,
а что-то мне отдает...

Иди, моё сердце, иди,
пока не замкнулся круг.
Серебряные впереди,
золотые вверху.
Светит на самом дне
утро - берёзовый луг,
где

Господин

Бог

крут.

**Саша
АНДЕР**

* * *

То, что мы делали вечером
Пока еще пролегомены к пониманию,
Что грубеет со временем как строчки при задержании.
И с каждой выпитой рюмкой близится
Наше развязное безмерие в разливе яростном
Вида городских обезьян в активной фазе сумасшествия.
И даже не склонные к фараонообзваниванию,
Те из некоторых – очень даже пугаются тремора
Бесстрашного угара в разложившейся ситуации,
Что освежевывает до полированных косточек.
И то, что мы делали вечером, ртом головешки надувая речи
Через горечь в глотке на взводе:
И пусть говорю тебе – о том, что не дотягиваюсь,
Срываюсь, рыдаю и брежу как без ног на хилых протезах,
Но если рискнешь – обнимай, режь и ешь,
Только не теоретизируй напоследях о трансгрессии,
Насвистывающий в своем уже-спасении через
Чарующую улыбку в пеленаньях сознания, милый цыпленочек.
А впрочем - исходя в теле жизнь в конце концов стоит,
Чтобы в ней двигаться и проявлять обнажение.
Не так ли, Полонский Андрей?

* * *

Ты писал: календарь пристрастен к датам,
А зимой восходят злаки и к озеру цветут
Тюльпаны, – лишь прикрой глаза в дыму
Копченной латакийской смирны, заигрывающей
Кружением лсд-ковра на памяти:
Все что бывает упущено – никогда не наше.
Но будто вовсе не заметил, что перо в волосах подруги
Вовсе не какой-либо из птиц местных,
А обнимать все крепче и нежнее ее притягиваешь,
И особенно тогда, когда то не воображаешь.
Да и все те книги на полках и высокоградусные
Разговоры – не с каждым случаются,
Да и не каждого приводят в места не отхожие.
Смотри как если бы северное сияние
В глазах ни много ни мало отражается...
И мяч в футбольные ворота ты забиваешь
В его разливе вдумчивом, а судя по выкрикам с улицы:
...слова способны выбить стеклянные
Окна, и достучаться до той стороны двери

**Ярослав
ПОЛОНСКИЙ**

* * *

урожая недаром
делили по парам
по 40 процентов
с молчаньем ягнят
страшащейся карой
и с синим пожаром
па-парам
по парам
два бога стоят

один то хохочет
то метит
то дробит
грохочет
гогочет
глаголит
поет
то с песнию жизнь и любовь приволочет
то рано с утра тихо плакать идет

второй все бормочет
то плачет
то вскочит
пойдет под забвеньем вино попивать
ропочит
хлопочет
он синим быть хочет
рупасит ли небо, ведь завтра вставать

ложиться пора бы
но там ведь по парам
па-парам?
по парам,
два бога стоят
так что давайте
багряным восходом
Морфея встречать
ведь рядом (не рядом)
со всем небосводом
целуя плацдармы пред тягостным воем
целуя плацдармы
два бога стоят'ь

**Ольга
ЛОГОШ**

* * *

Искусство comme une bête
болит и будоражит

* * *

Взгляды камня прошивают
окрестность

ты свернулся в клубок
ты — шипишь

*поворачиваешься на бок
притворяешься
что не слышишь*

Ты ли
 делился водой
 огнём делился?

Помнишь
 цветную глину?

Дороги в каплях
двоятся
сбегаются со всех концов Ойкумены

расфокусируются

Вот и
снарядили Корабль Ирландии
тебя оставим покуда

*здесь – на взморье –
в обличье тюленя!*

**Анастасия
РОМАНОВА**

* * *

Наша жизнь состоит лишь из поэзии и секса,
такое уже случилось,
мы загружены чувственностью под завязку,
с нами теперь третий, вуайерист,
он валяется и курит общую сигарку,
передавая дым рот-в-рот,
неустанный и неостановимый,
обожает выяснять отношения за наперстком жаркого кофе в
бистро,
обнимается с нами на галерке
мчится впереди всех по набережной,
порой нас, велосипедистов,
сносит от ветра,
а порой несет за танкерами,
крадущимися по реке;
он шепчется с нами о сокровенном,
а мы, выразительно переглядываясь, слушаем,
низко постанывая, проникает в нас своим длинным языком,
вдыхая в нас запах едкой осенней патоки.
Наш новый прекрасный любовник, СПб.

ШАНКАРА (НЕДВОЙСТВЕННОСТЬ)

В голове, чьей не знамо, не твоей не моей,
явился такой замысел о ты и я –
в текучее вещество бытия
въезжают наши эйдосы среди мрака морей.

Любят друг друга логосы в лотах монастырей,
на тычинках, где ты прыть от плоти я,
нет предела для формы, и отплытие
стегают тело, чтобы никто из нас не постарел.

Ликуют наши молекулы, вращается ворож звезд,
автомобильчик взбирается на белый хвост,
выворачивает на хайвей –
на скорости – лишнее отторгать,
и под утро целостно целовать
тебя среди мрака морей.

PASTIS

Ты сказал, сумерки, скоро придут за нами.
Я тут же согрелась. На мосту Александра III ни туриста.
Надо купить табак, изучить текущую версию «ты и я»
в отражении витрин на Сен-Мишель.
Потом долго смотреть на труды дождя,
как блестят прикованные велосипеды, хихикают вымокшие
хипстеры,
щурятся жולי-фи в мутоновых пальтишках,
вода утюжит грибницы кафешантанов
где стучат рюмки и призраки роятся под инфракрасными
лампами, грохочут пепельницы и пицчат клювы бутылок, по-
даваемых смертным втридорога.

Кого они ищут? На что они надеются?

Слепой метрдотель песьими лапами распахивает полупод-
вальное окно, чтобы те, кому нужно, расслышали хор люци-
феров из цоколя.
Гинзберг с Берроузом медленно поднимают для приветствия
заточенные тросточки, пение превращается в тонкий вой.
Но все заглушает улюлюкание подвыпившей африканки,
поймавшей посреди Парижа воришек из своего племени.
Старуха вытягивает язык на пол-улицы и медленно заталки-
вает перепуганных юношей в старый рено.
Мы прикончили пастис и спустились в подземный паркинг.
На минус втором этаже не бывает видений, подумала я,
втискиваясь в перенабитый автомобильчик.
Глаза закрылись, и город схлопнулся.

* * *

Возвращение мертвого камня луны, -
через миллиард лет встретимся и поговорим
в управляемых снах. Под тяжелые валуны
сложим вязальные спицы ночных пичуг.

Наши кромешные нити печалей, титлы и тайны -
стени шагов на половицах миров, -
дворцы и фонтаны флэшки и битые файлы,
кубики льда для коктейлей из плоти.

...а на глиняных вазах с любовным зерном
все сюжетные линии об одном.

* * *

Выйдет ли тебе черва,
Ловко ломаешь фишку,
Черти пляшут на нервах, -
Покер сдувает лишних.

В бланжевом соке рассвета
Всё полутени маски,
Может твои два валета
Приходят тебе не напрасно...

Будет тебе раздача,
Даром, дурак, везучий,
Дилер косит под мачо,
Но ты, разумеется, круче.
Твоя визави улыбнется
И атакует, стерва,
Но блеф, как и грех первородства,
Лучше отведасть первым!

Нагло банкуешь вслепую,
Бросаешься на амбразуру,
Там ждет тебя злая пуля
до нитки тебя разуют,
Ждет тебя горький виски,
Дым сигары клубится,
И ты знаешь что жить без риска
Скучно, лучше убиться

All in! All in! он у тебя один
All in! All in! он на всех один!

ОБ ОДНОМ ОРГАЗМЕ

покажи ключи, отпирающие тело тебя,
покажи мне шифры твоих бегущих мурашек,
брось мимоходом пароль, за которым необъятность
вдыхания всего ты,
где напряженные хорды кровеносной системы
и ее посланников из нездешней радуги,
все лучистое подвздошье твое, нейроны,
что шепчутся в смолистом вакууме и закусывают удила,
будто дети грызут печеньки в сокровенном чуланчике,
где трещат нерожденные еще мысли
и сподвижные им извивания языка,
дай дотянутся до твоих бедер,
где с винтовой башни слышатся гимны,
где рисунок пор, маленькие щипучие зеркальца,
дрожание молекул, сладострастные молоточки рояля, гремят,
и мое сердце наливается острым соком,
ты поворачиваешь ключ,
там ни двери, ни тебя – только ветер в темноте.

СУФИЙСКАЯ ПЕСЕНКА

У нас с тобой по шансу
всего по одному
грошовому брыкдансу
на сладостном дыму
ветрище во времянке
наделает прорех
на вечную стоянку
отправится наш смех
матрешки неваляшки
без цели и цепи
в поношенных тельняшках
гуляем по степи
дорога час от часу
все уже вдалеке
и оба наших шанса
шагают налегке.

* * *

Поедем на балтийские острова,
где трусливы гадюки,
ледяной закат дует в лицо.

Поедем к приморской кирхе,
заметной рыбной чешуей.

Сядем у окна в столовой и закажем горячий хлеб,
острые зубки часов промелькнут в темноте,
котенок схватит за палец,
заурчит, покусывая аметист.

Поедем кругом, поедем вдоль моря, набрасывая эскизы
вечных садов.

Я положу ладонь тебе на колено,
ты на секунду сбросишь скорость.

В свете фар метель оттолкнется от земли
и превратится в царя небес.

* * *

Что же ты не отвечаешь
Спартак забил Зениту гол
Я кончаю, ты кончаешь
Очень правильный глагол

* * *

Скулы сводит,
если смирение, смерть,
забвение, зыбкая пелена, зяблики безголосые крыльями
глядят по волосам...

вспомни, когда ты плясал, окружённый дворцовой стеной,
наши лаверы целовали друг друга взасос,
представления о свободе были слишком элементарны...

псы заражались спокойствием праздничного уклада,
мышь с благородством ступала по расшитым подушкам,
самолёты чертили мантры на неведомом языке,
соучастники преступлений ныряли под одеяло,
предусмотрительно вырубив свет на пяти континентах...

* * *

Как поеду в Чудь,
про меня забудь,
нацеплю ошейник,
стану отшельником,
поселюсь в пустыне,
выращу дыни,
на сто персон
накрою стол.

Позову только тебя.

АКРОСТИХ О СВОБОДЕ

Первостепенна. В древние пределы
Окружена (блевотиной обсценной)
Любовным треугольником вселенной
Оплачена, за тело и за дело.
Надрывная, преступная, бухая
Свобода – дочь, любимая блудница,
Кайфовых трасс пустынных вереница.
Отрыв, осколок нежный, ножны рая,
Молитв, надежд скрипичных колесница,
У края, где твой ветер задувает, –

Аккордами ветролошадными
Напевами площадными
Дорожками беспощадными
Распутицами ласковыми родными
Ее взасос целуешь
Южаночку танцуешь.

* * *

он мыслит историческими портретами,
она – постапокалиптическими пейзажами

им никогда не бывает скучно

* * *

Пусть сфинкс заключает пари с отставным Морнингстар
По колено воды, и приходят тревожные вести о шторме...
а мы выдыхаем дым островных сигар,
а мы лежим каприччо в затяжной истоме, -
нет ни верха, ни низа, тела - это вершины гор
звуки долин, всплески воды без конца и края,
плевать, что смертью тянет из кротовых нор
космический ветер до костей пробирает
Когда в усыпальницах дальних галактик очнемся мы
среди тонкогубых ревнивцев, клыкастых дев и мужей,
сразу вспомним, что хорошо умеем выбираться из тьмы
с помощью нежных объятий, выкидных ножей.

* * *

вересковая вышина
позиций нежная нижина
 подобно египетской жрице
 изжаленная вербеной, надышанная ветивером, пропу-
щеннная через каменное ушко всепрощения Оригена,
 спящая на грибе, осеняющая землю ядерным благосло-
вением,
 пеленающая ковчег (кочерыжка его нутро)

без трусов и колготок без гениталий без кожи без цели
нашлась что тебе сказать:
прикури

* * *

Ты глянь, восток поплыл в астрал,
В излом и порт ночной,
а ты, нездешний волк и враль,
гремучей взят весной.
То там, то тут тобой - твои
щенки цветки цветут -
с цыганским воздухом в крови,
с добычею во рту.
А ты открыл в окне окно
и распечатал дон,
врубил дорогу как кино -
видением ведом,
То там, то тут, не в этот – в тот,
но вовсе не в итог,
ты брызжешь жизни кипятком
под лунный сапожок,
Кто ты? лишь оборот ключа,
да скважин ветродуй
ты тот, который сгоряча
влепил мне поцелуй!

КЛЮЧ К А.П.

Успеть набегаться до ужина
В кармане фига, в сетке - мяч
под зов из форточек простуженный
заходишь в крик, кто тут ловкач,
быть первым хочется до ужаса
бард рвет аорту о войне -
охоте на волков, о мужестве
и жизни хочется вдвойне
она приходит ненаглядная
из снов и ветра беспечаль,
блзнит дарами или ядами,
заточкой зубчатой ключа.
Замочек щелк – и отроку откроется
Плечистый ветер, доблесть драк
бездонная как ночь бессонница
Стихи в блокнот, в штанах стояк
Песнь завела любовным ульем,
медвяной пахнущей травой,
чтоб ты быстрее летящей пули
приник ко скважине второй.
Так сотворилось утро новое
и распахнулся белый свет -
апрельский бог в плаще джинсовом
дает на крышах рок-концерт.
Он разве скажет до свидания?
Его походочка легка
запахнет палевом и тайной,
из темного парадняка.

Что не отверстие – оскомина,
ключ обернулся и пропал,
и все неявнее искомое,
не скважины в дверях – провал.
Не переправы, а пробоины,
улиткой свернуты мосты,
не юношей уже, но воином
идешь, смеясь, из пустоты.
Гудит страна, за лесом зарево
зубовный скрежет по ночам,
и сызнава, и вновь, и заново
пытаешь оборот ключа.
А ключ то зверем обращается,
То огненным летит кольцом
Вращается и превращается -
То лик, то лярва, то лицо
Восток, вокзалы, расстояния,
Любовный мирт, мир на просвет, -
сомнения, литанья, ристания
в кармане ветер, связки нет
а лишь увязанное вервие
к непостижимым бенесам.
Как вдруг ты понимаешь сам,
что стал ключом и дверью.

* * *

Невозможное выбегание в средневековье,
где золото и бронза короля в изгнании
начищены до зубовного скрежета,
я держу за руку твою отходняковую тень,
схватившись, мы превращаемся в короля Артура,
в пьяные розы вагантов из Carmina Burana,
источаем и истончаемся,
московский Вергилий тащит нас дальше на праздник
через резные вратцы Пёрселла,
и отчего-то
мы превращаемся в самих себя

СОН ПОД ЛИПИН БОРОМ

Пушится северный загар,
из вереска и мха грунтовый
склонился дор над светом фар,
а в свете том таятся совы.
Лежим в траве, роса к росе,
гроза слилась под Липин бором,
прочварная, во всей красе,
ночь шарит жердью по озерам.
Ветра штурмуют ветхий бор,
когтями дергают зарницы,
и мы – слиянные в собор,
лежим, боясь пошевелиться.

СКАЗКА ПРО УРРА И БЕГЛЕЦОВ

Она говорит:

я быстрая, оборонила слово острым углом, проломила землю,
удар был силен, под стать всему новорожденному
на ребрах пот, в волосах ягоды клюквы,
под лопаткой - магнитная стрела неведомого
и кипяток настоящего,
пар улетает к небу, магнит молится северу,
кипяток плюется матюгами,
свисток напевает Неаполитанскую песенку любви,
где я теперь?
я в мгновенных бегах.

Он говорит:

я издалека дышал, из вздоха родился,
леопард по имени Урр прорычал мне секретное место,
я отгрыз пуповину и побежал,
вскипел ум, жажда в меня вошла,
и нежность,
я добрался до места,
посидел покурил,
попил из люльки реки,

тут леопард по имени Урр проурчал мне по-секрету еще
кое-что,
я отгрыз пуповину побежал под ливнем,
открыв рот и высунув язык

Урр говорит:

моя мать танцевала еще с белыми змейками на празднике
Предчувствия Бурь,
с рождения знал десять тысяч наименований земли,
я прошел воображаемый лес вдоль и поперек,
где узнал человеческие следы,
я научил одного человека молиться,
другого помалкивать,
третьего мне пришлось спрятать под деревом до лучших
дней,
я спал, я проснулся, я никуда не иду, но все приходят ко мне,
Уррррррр!

Оно говорит
что не говорит
оне
бо

Она говорит:
поймаем Урра за хвост
Он говорит:
Это Урр поймает нас, если уже не, - мы вообще-то в его
лодке!

Урр говорит:
только что над нами пролетела ракета,
хочет ударить в самое сердце,
но сердце всего давно спрятано в секретном месте,
и пока что
его не уничтожили

Урр прощается, опрокидывая пустую скорлупку:

в живом сердце -
живой бог!

И они побежали.

Когда
он и она
бегут -
в занесенных снегом домах женщина-свеча молится о стран-
ствующих,
старуха-печь плачет о заблудших,
а на деревянных небесах порхают лики,
пока никто не смотрит.

* * *

Ты в супермаркете ночном почти что трезвый
Завис в отделе овощном, таком полезном...
Я в доме, где, прости, бардак, нет острых лезвий
Пою о том же, - про гуляк над бездной
В контексте времени, кто мы? - вин излиянье,
Арджуны хохот, штрих сурьмы на Хинаяне -
Так безмятежно в никуда киряем смело,
А с виду мирные, о да! как Parabellum,...
Не в сеть, не в счет, и не за счет - а вне системы -
Куда? нас ветер наречет, не важно, где мы,
Меня коснешься ты едва, - тебя я сразу...
К чему слова, они - дресва, дресва алмазов.

ВАЛЬС

Под попсовую музычку света
Под рапсодию тяжкую тьмы
Мы танцуем как две сигареты
Угольками смыкаемся мы

Вальсы севера танго юга
Степ хип-хоп балало раз два три
Мы вдыхаем вдыхаем друг друга
Пока полностью не прогорим

Не злодей не гора не история
Кто-то сверху плюет на нас
Попадаем с тобой в категорию
Распрекраснейших из проказ

Микрокосм макрокосм на нас дыбом
Твоя грива в пепле времен
Я как древняя хитрая рыба
Увлекаю тебя в океан.

Там не черт и не ангел и прочие
Не отловят нас рыбаки
Лишь в бескрайний зияющий прочерк
Кувыркаются угольки.

Вальсы севера танго юга
Степ хип-хоп балало раз два три
Мы вдыхаем вдыхаем друг друга
Пока полностью не прогорим

Даша
СУХОВЕЙ

* * *

колыбель отдали
а кошка вроде как осталась
ходит тут мяукает

выросло дерево
через пол да в потолок
что не ок?

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Григорьев

- 7 И тот, кто не знает куда идёт...
8 ОНИ СКАЗАЛИ
10 Ложные люди на нас похожи...
11 Зачем мне медицинский полис...
12 На фестивале...
13 DANS LE MAISON DES POETES
14 ГАГАРИНСКАЯ

Данила Давыдов

- 17 СОНЕТ С КОДОЙ
18 Самое интересное, что это будет...

Алексей Яковлев (Брахман)

- 21 Пивет, на улице плюс два...
23 Если на время может быть взгляд и вид...
24 Аванпост, дымит сигарка...
25 COMMENT #2
26 Ночь похожа на тертый цветок...
27 ПИСЬМО В КРЫМ
29 СОНЕТ ПЯТОГО ДНЯ
30 Сияются силы...
31 БРАЗИЛИЯ 1:7 ГЕРМАНИЯ
32 Нечеловеческой свободы...

Джон Наринс

- 35 ЛОВЕЦ

Сергей Ташевский

- 39 Арена круглая дурная...
40 Асти Спуманте кончается – надо идти, скоро девять...
41 Армагеддон начнётся незаметно...
42 Антикварные улицы, полог дыма...
43 ПОЛОНСКИЙ ВСЕГДА МОЛОД
44 Ангел дышит где хочет...
45 Андалузскому псу...

- 46 ПОЛОНСКОМУ С ЗУБАМИ
47 Антоним, омоним, цепная реакция, динамит...
48 Пока собрали пятьдесят камней...
49 Александрийский квартет...

Арсен Мирзаев

- 53 Что в чумное делать время?..

Андрей Филимонов

- 57 КОЛОГРИВ - КАСТОПРАВАМ

Татьяна Романова

- 65 ИЗ ФБ

Валерий Земских

- 69 А все-таки земля плоская...
70 Запросто...
71 Это река...

Юля Беломлинская

- 75 Я танцую только, когда тебя выдаю...
77 МАРТ

Евгений Мякишев

- 81 СТИХИК С ЭПИГРАФОМ
82 ПОЛОН
83 ПРЕД ИСПОВЕДЬЮ
84 Ценю твой прозорливый статус...
85 ПОЛОНЬ
86 Сегодня с зубами проблемы у всех...
87 Упрекаешь?!.
88 ВЕРЛИБРОФЕСТ
90 Стиль не порок, а вредная привычка...
92 АНТИАНТИСФЕН
93 Полонский, отставить!..
94 Да жизнь твоя трагична, но ты же оптимист!..
95 Полонский: новое авто...
96 ДНЕВНОЙ КАМЕНТ
97 Полонский, всё пучком?!.
98 ПРОПАЖИ
99 ДГ & АП МЕЖ РУЧКОЙ И ТОЧКОЙ
100 СОТЫ
101 MODERN TALKING
102 ОП-П-С

Павел Банников (Погода)

- 107 Когда мне было ещё 35...
108 Мой небелковый собеседник...

Наталья Нелюбова

- 111 На той стороне гриба...

Саша Андер

- 115 То, что мы делали вечером...
116 Ты писал: календарь пристрастен к датам...

Ярослав Полонский

- 119 Урожаи недаром...

Ольга Логош

- 123 Искусство comme une bête...
124 Взгляды камня прошивают...

Анастасия Романова

- 127 Наша жизнь состоит лишь из поэзии и секса...
128 ШАНКАРА (НЕДВОЙСТВЕННОСТЬ)
129 PASTIS
130 Возвращение мертвого камня луны...
131 Выйдет ли тебе черва...
132 ОБ ОДНОМ ОРГАЗМЕ
133 СУФИЙСКАЯ ПЕСЕНКА
134 Поедем на балтийские острова...
135 Что же ты не отвечаешь...
136 Скулы сводит...
137 Как поеду в Чудь...
138 АКРОСТИХ О СВОБОДЕ к А.П.
139 Он мыслит историческими портретами...
140 Пусть сфинкс заключает пари с отставным Морнингстар...
141 Вересковая вышина...
142 Ты глянь, восток поплыл в астрал...
143 КЛЮЧ. К А.П.
145 Невозможное выбегание в средневековье...
146 СОН ПОД ЛИПИН БОРОМ
147 СКАЗКА ПРО УРРА И БЕГЛЕЦОВ
150 Ты в супермаркете ночью почти что трезвый...
151 ВАЛЬС

Даша Суховой

- 155 Колыбель отдали..

*Благоденственное и мирное житие,
здравие же и спасение
и во всем благое поспешение,
подаждь, Господи, рабу твоему Андрею
и сохрани его на многая и благая лета!*